

Петр ОРЕХОВСКИЙ**ЭКСПОРТ ИНСТИТУТОВ И ПРОБЛЕМА СЕЦЕССИИ***

Переход многих государств в конце XX в. к демократическим формам правления был призван повысить эффективность и транспарентность деятельности представительных органов власти. Наряду с реализацией принципа субсидиарности в отношении регионов и муниципалитетов это должно было укрепить государственное устройство. Однако для многих постсоветских и развивающихся стран импорт западных демократических институтов сопровождался (и сопровождается) разрушением территориальной целостности и ростом коррупции. Это подрывает доверие граждан к либеральной демократии и вызывает ностальгию по «сильной руке». Статья посвящена анализу проблем, связанных с экспортом демократии в страны со средним и низким уровнем дохода на душу населения. Демонстрируется, что для страны-импортера западных демократических институтов актуальной становится проблема сецессии, которая обычно игнорируется экономической теорией в силу неявного допущения об однородности социально-экономического пространства. Экспорт институтов является эффективной и рентабельной заменой военно-политических операций для стран-экспортеров. Парадоксальным дополнением данного экспорта является коррумпирование местных элит, что способствует изменению политического курса или переходу политико-экономического истеблишмента в режим «внешнего управления». Значительная особенность современности — фактический запрет на территориальные захваты, что способствует росту количества государств. Однако существенная часть из них обладает лишь негативным суверенитетом, будучи не в состоянии предоставить гражданам необходимый объем общественных благ.

Ключевые слова: негативный суверенитет, неоднородность, общественный сектор, регион, сецессия, теория войны, экспорт институтов
JEL: B52, F02, F52, P40

Разнородность пространства

Неявной гипотезой большинства экономических исследований институтов является допущение об однородности социально-экономического пространства. Другими словами, предполагается, что на всей территории страны действуют одни и те же институты. Если предполагается

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

иное (например, тестируется веберовская гипотеза о взаимосвязи различных религиозных предпочтений с богатством жителей отдельных регионов), то об этом делают специальную оговорку. Однако подобные исключения встречаются редко. Даже в новой экономической географии П. Кругмана, где демонстрируется, как влияние рыночных сил трансформирует почти однородное, имеющее небольшие отличия в трудоемкости и капиталоемкости социально-экономическое пространство двух связанных торговыми отношениями регионов в иерархию центра и периферии. В этом случае в обоих регионах действуют одни и те же институты [1]. В рамках новой экономической географии, в отличие от мир-системного анализа, прежние институты продолжают действовать и тогда, когда зависимость периферии от центра уже полностью сложилась.

Посылка однородности социально-экономического пространства внешне сильно упрощает задачу анализа импорта («трансплантации», «выращивания») новых институтов из богатых стран в бедные и потому выглядит внешне вполне реалистичной. Бюрократический аппарат любого государства замыкается на столицу. Решения, принимаемые в последней, далее начинают реализовываться по всей стране — будь то изменения правил дорожного движения, увеличение возраста выхода на пенсию или стандарты банковской деятельности. Если импортируемые институты начинают успешно функционировать, то они действуют везде, во всем социально-экономическом пространстве государства-импортера; если же их функционирование неэффективно (возникает институциональная ловушка по В.М. Полтеровичу [2, с. 11–12]), эта неэффективность не связана с особенностями отдельных городов или регионов.

Естественно, что при таком подходе возникает своеобразное «слепое пятно». Сецессия отдельных территорий страны становится невозможной, или, точнее, такая *сецессия не может быть связана с импортируемыми институтами*. Причины отделения могут быть обусловлены какими-то экзогенными по отношению к экономике факторами, например, этническими и/или религиозными. Учет подобного рода факторов может быть произведен при рассмотрении тех или иных конкретных кейсов реформ, но в целом анализ таких факторов выходит за рамки институционализма. Или, оговоримся, — *институционализма, как его понимают экономисты-теоретики*.

В действительности, конечно, социально-экономическое пространство неоднородно. Везде есть свои Север и Юг, Запад и Восток, приграничные районы и столицы. Источники сырья, плодородные земли, порты, течение рек в разных регионах страны различаются — такая неоднородность предопределяется самой географией. И промышленность, и университетские центры распределены по территории стран неравномерно. Все эти факторы, усиливая друг друга, существенно влияют на различия в уровнях богатства и доходов жителей различных городов и регионов. И даже в такой небольшой стране, как Королевство Бельгия, в наше время это может привести к длительному политическому кризису и отсутствию общепризнанного, легитимного центрального правительства.

Географ В. Каганский уже давно отметил, что в отношении пограничных регионов действуют своеобразные «силы притяжения» других государств [3]. Экономические связи, в которые они включаются в процессе трансграничной торговли, оказывают на них большее влияние. И это влияние тем больше, чем богаче соседняя страна сравнительно с отечественной метрополией и чем ближе приграничные регионы к чужим столицам. И если рассматриваемые соседние страны не включены в общую зону свободной торговли и имеют существенно различающиеся институциональные режимы, подобное положение резко усиливает привлекательность контрабанды. Ситуация с получением «двойного гражданства» и возможностей работы по обе стороны границы в какой-то момент может существенно усилить сепаратистские настроения.

Кроме географического фактора, на неоднородность социально-экономического пространства сильно влияет *история* городов и регионов. Даже в государствах, имеющих многовековую историю, часть территорий и населения находилась в составе других государств. Последнее обстоятельство оказывает большое влияние на чувство идентичности населения. Ярким примером такой проблемной идентичности для Китая является Гонконг, не говоря уже о Тибете.

Различная идентичность, как и различия в размещении и уровне развития производительных сил, как минимум порождает постоянные трения в межбюджетных отношениях. Институты бюджетного федерализма, которые бедные страны пытаются заимствовать у богатых, плохо работают в условиях высокой региональной дифференциации. Однако именно механизмы исполнения бюджетов непосредственно связаны с институтами модерна, такими как образование и НИОКР, здравоохранение и социальное обеспечение. Сюда следует включить и защиту (а заодно и идентификацию) прав собственности, включающую в себя различные режимы собственности (частную, государственную, организаций, клубов и т.д.).

Обучение, заимствование «лучших практик» и, в конце концов, импорт институтов, позволяющих осуществлять модернизацию — тема, которая уже давно находится в центре внимания институционалистов. Однако в силу уже упомянутого «слепого пятна» сравнительно редко обращают внимание на экспорт институтов. Демократические институты пытаются экспортировать как с помощью «мягкой», так и посредством военной силы. Поскольку предполагается, что эти институты позволяют добиться модернизации и ускорения экономического роста, постольку подобный экспорт обычно приветствуется международным сообществом, или, как минимум, странами Запада, входящими в трансатлантический блок НАТО. Экспорт демократии зачастую приводит к разрушению территориальной целостности страны — в последние два десятилетия этому много примеров (Югославия, Ирак, Судан, Ливия, Йемен, Сирия и т.д.). Такой результат является нежеланным (во всяком случае в официальной риторике политиков западных стран) и неожиданным. Но если принять во внимание неоднородность пространства, то возникающие угрозы сепарации становятся если не неизбежными,

то, по крайней мере, *вполне закономерными*. Политико-экономическому истеблишменту государств, которые занимаются импортом институтов, следует принимать эти проблемы во внимание.

Теория общественного выбора и экономические основания сецессии

Теория общественного выбора представляет собой экономическую интерпретацию причин существования государства. Цель существования последнего как экономического актора — производство общественных и квазиобщественных (обладающих высокой социальной значимостью) благ. Налогово-бюджетная система в данном дискурсе представляет собой институт, обеспечивающий такое производство (регулирующий своеобразный вертикальный обмен общественных благ на налоги). Конституция в рамках теории общественного выбора представляет собой закрепленный в Основном законе порядок производства и распределения общественных благ в отличие от прежнего, старого политического понимания ограничения власти монарха и установления гражданского мира между сословиями [4].

Важной частью теории общественного выбора является интерпретация политики, включая законотворческую деятельность представительной демократии как рыночного процесса. Пакетное голосование («бочонок с салом»), обмен голосами (логроллинг) для принятия тех законов, которые представляют собой реализацию предвыборных обещаний отдельных партий (сегодня — «левых», завтра — «правых»), представляют собой способы преодоления известного парадокса голосования Кондорсе-Эрроу. Ставший уже привычным двухпалатный парламент, предполагающий режим формирования «нижней» и «верхней» палат, придает представительной демократии дополнительную устойчивость.

В свою очередь сам парадокс голосования возникает в условиях, когда существует множественность предпочтений. В этом отношении теория общественного выбора уже самим фактом своего появления и последующего научного признания демонстрирует то обстоятельство, что в модернизированных обществах *отсутствует устойчивое большинство*, представляющее так называемую «волю народа». Такие общества *состоят из меньшинств*, относительно небольших социальных групп, поэтому принимаемые законы требуют коалиционного большинства, состав которого меняется от ситуации к ситуации.

Либеральная демократия предполагает наличие защиты интересов меньшинств. Как показывал еще Ф. фон Хайек [5], а сравнительно недавно Ф. Закария [6], прямая демократия, осуществляемая через референдумы, может приводить к нарушению прав отдельных социальных групп с далеко идущими последствиями. В этом отношении такое популярное после распада Восточного блока мероприятие, как люстрация, является вполне демократическим и популистским, однако его никак нельзя назвать либеральным. Именно такие мероприятия после американской оккупации Ирака весьма способствовали появлению Исламского государства (ИГИЛ — запрещенная в России организация).

Либеральная демократия — достаточно хрупкое политическое устройство, и даже длительность его истории не гарантирует защиту от возникновения кризисов, связанных с расколом коалиционного большинства и противостоянием местных элит центру (Каталония во Франции, Квебек в Канаде, Шотландия в Великобритании, Корсика во Франции и т.д.). Неравномерность регионального экономического развития предполагает наличие различного удельного веса налоговых поступлений в федеральный бюджет с последующим перераспределением в пользу сравнительно бедных регионов. Согласно приведенной выше логике теории общественного выбора, права гражданина на получение общественных благ, производимых государством, являются равными и обеспечиваются государством. Объем этих благ не должен зависеть от того, является ли регион, где проживает гражданин, относительно бедным или богатым. Однако для того, чтобы обеспечивать сбор налогов и последующее перераспределение бюджетных средств, государство должно быть достаточно сильным. Другими словами, оно должно располагать достаточно эффективными фискальными и полицейскими органами. В противном случае центр не сможет помешать проведению региональных референдумов о сепарации, инициированных местными политико-экономическими элитами. Причем неравномерность развития и центр-периферийные отношения могут вызывать сепарационистские настроения как в богатых, так и в бедных регионах. Богатые регионы будут рассматривать возможности автономного статуса с постепенным повышением его до полного государственного суверенитета. Бедные — возможность отделения с последующим вхождением в состав другого государственного образования в надежде на то, что «новый центр» будет больше озабочен инвестированием в развитие этих территорий.

Стоит повторить тезис, высказанный в предыдущем разделе статьи — экономисты неявно исходят из гипотезы об однородности социально-экономического пространства. Исследователи, развивающие теорию общественного выбора — не исключение, хотя сама теория предсказывает существование множества объективных противоречий в любой конструкции бюджетного федерализма. Возможно, важнейшее из них — противоречие между принципами демократии (равенством граждан) и либерализма (свободной реализации собственных интересов¹). Реализация этого противоречия в привязке к локализованным политико-экономическим акторам, проявляющая себя в случае сепарации, — всего лишь частный случай.

Как бы то ни было, богатые модернизированные либеральные демократии Запада во многом научились справляться с угрозами сепарации. Более того, Европейский союз представляет собой уникальное интеграционное объединение, в рамках которого сосуществуют как богатые, так и бедные государства и регионы. В этом отношении импорт демократических институтов странами периферии и полупериферии по И. Валлерстайну [7] является почти очевидным — так осуществляется

¹ Вспоминая провозглашенный отечественным философом А.А. Зиновьевым принцип «индивид = суверенное государство», можно заметить, что сам по себе либерализм допускает неограниченную сепарацию.

заимствование «лучших практик». С помощью последних развивающиеся государства пытаются добиться экономического роста, повышения уровня жизни населения, устойчивости собственной политической системы. Правомерным, однако, является другой вопрос — а зачем спонсорство экспорта демократических институтов нужно Западу? Количество различных организаций, занимающихся продвижением демократии в развивающихся странах, как и объем осваиваемой ими финансовой помощи, уже давно в разы, если не в порядки, превышают средства, выделявшиеся СССР Коминтерну и «братским коммунистическим партиям». При этом сколько-нибудь существенных вызовов самим моделям демократического политического устройства нет, если не считать исламский фундаментализм (хотя, как ни странно, и этот политический режим представляет собой одну из форм демократии).

Первый ответ, который является доминирующим в современном либеральном мейнстриме, — усвоение развивающимися странами демократических институтов — ведет к росту доходов и богатства, а это способствует увеличению объема глобальных рынков. Последнее позитивно влияет на экономический рост и самих богатых стран. Кроме того, в политическом дискурсе сохраняется старая догма о том, что демократии не воюют между собой. Вдобавок сокращение военных расходов также способствует общему экономическому развитию.

Тем не менее после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. часть богатых стран, включая США, стали применять меры неомеркантилистской политики. «Арабская весна» неожиданно вызвала к жизни ограничения на свободу перемещения, а развитие событий на Украине и в Сирии привело к санкционной войне и ограничениям потоков капитала и товаров. Однако спонсорство «экспорта демократии» не уменьшается, а увеличивается.

По нашему мнению, экспорт демократических институтов допускает как позитивные, так и негативные последствия в отношении государств-импортеров. В отдельных ситуациях сецессия и разрушение территориальной целостности государств могут рассматриваться как вполне приемлемые варианты развития событий (удавшееся создание независимого Косово или неудавшийся (пока?) сценарий создания независимого Курдистана). Однако в отличие от многократно рассматривавшихся выгод от успешного становления «инклюзивных институтов» (например, см. [8; 9]), выигрыши экспортеров от краха других государств обычно не рассматриваются.

Экспорт институтов в свете теории войны. Негативный суверенитет

Война — еще один феномен, обычно находящийся за пределами дискурсивной практики «экономического». Неявно предполагается, что субъекты включаются в экономические отношения исключительно на добровольной основе, без принуждения. Однако это всего лишь частный идеальный случай экономических взаимоотношений. Основанием понятия «экономического» является расчет затрат и ре-

зультатов, определение выгод и издержек. Этот расчет может осуществляться как в условиях юридического (и фактического) равенства сторон и свободы выбора, так и в условиях неравенства, иерархии и различных ограничений, накладываемых на поведение контрагентов. Последняя ситуация наблюдается намного чаще, чем идеальная: обычно монополисты или акторы, располагающие односторонними информационными преимуществами, пытаются добиться от своих партнеров нужного им хозяйственного поведения. По нашему мнению, такое положение *мало чем отличается от войны*.

Так, определение войны в классической работе К. Клаузевица звучит как «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [10, с. 35]. Грань, отделяющая «экономическое» от «военного», очевидно, лежит в объеме и способах насилия, в котором экономическое и/или военное противоборство преследует, похоже, одни и те же цели². Но каковы цели сторон, вступающих в войну?

В интерпретации израильского политического философа М. ван Кревельда фон Клаузевиц рассматривает «тринитарную модель» войны. Она включает следующих акторов: правительство, преследующее политические цели; армию, которая используется для их достижения; мирное население (народ), который в идеале должен находиться вне вооруженной борьбы (отметим, что в XX в. ситуация меняется — население является частью военной машины, и поэтому такая война становится «тоталитарной») [12]. Традиционная война ведется государствами с целью изменения политического режима противника для того, чтобы заставить принять предлагаемые победителем условия, а заодно и с целью изменения границ противоборствующих государств. Последнее представляет собой не что иное, как «разрушение территориальной целостности».

Легко заметить, что тем же целям служит и экспорт институтов. Государство, продвигающее «мировую социалистическую революцию» или осуществляющее «экспорт демократии», вовлекает другие государства, как это говорилось во времена СССР, в «орбиту своего влияния». Учитывая то обстоятельство, что конфликты с участием вооруженных сил в XXI в. — дело весьма дорогостоящее и влекущее за собой большие репутационные издержки, экспорт институтов при помощи грантовой поддержки и других вариантов использования «мягкой силы» *выглядит намного более предпочтительной стратегией*. Используя терминологию фон Клаузевица, изменение политической ориентации правительства вместе с превращением вражеской армии в союзническую может рассматриваться как безусловный военный успех.

Анализ экспорта институтов в свете теории войны позволяет выявить общеизвестную амбивалентность Запада по отношению к феномену коррупции. Коррупция как «порча институтов» [13] сама по себе рассматривается как отрицательное явление. Однако если она при этом способствует импорту институтов демократии и изменению позиции правительства и ис-

² Работы нобелевского лауреата по экономике Томаса Шеллинга, посвященные анализу стратегий конфликтующих сторон, в равной степени применяются как экономистами, так и военными аналитиками [11].

теблишмента с враждебной на прозападную, то *такая коррупция становится простибельной*, поскольку не влечет за собой политико-экономических последствий для ее участников. Множество примеров — от африканских диктаторов до украинских олигархов и арабских шейхов — свидетельствуют о том, что в случае «правильной политической ориентации» Запад не интересуется источники происхождения соответствующих финансовых активов. В этом отношении экспорт демократии обычно сопровождается ростом коррумпированности национальных элит³. При этом, как убедительно показывают примеры Пиночета в Чили, Сомосы в Никарагуа, а также монархий Персидского залива, если имеет место готовность «противника выполнить нашу волю», экспорт собственно демократических институтов оказывается не столь уж важен. Необходимые либеральные преобразования всегда можно отложить на потом.

Как ни странно, в свете сказанного *Россия оказывается не чрезмерно, а недостаточно коррумпированным государством*. Несмотря на вопиющие примеры коррупционных безобразий, во множестве приводимые отечественными медиа, цель, которая должна достигаться в результате импорта западных демократических институтов и «лучших практик хозяйствования», остается все еще не достигнутой.

В свою очередь, если экспорт институтов позволяет добиваться решения стоящих перед международными экономическими акторами задач, а наличие фактора неоднородности пространства увеличивает вероятность сецессии, то можно предвидеть *образование все новых и новых государств*. Это и происходит: «С 1940-х гг. число независимых государств выросло в четыре раза. Более того, теперь они соперничают, враждуют или сотрудничают не только друг с другом, но и со всевозможными транснациональными и негосударственными организациями. Появлению Южного Судана (а произошло это в 2011 г.), самого молодого государства на планете, активно способствовали десятки неправительственных организаций, в особенности группы евангельских христиан, такие как «Мошна самаритянина» под руководством Франклина Грэма, известного американского религиозного и общественного деятеля, слугителя баптистской церкви» [16, с. 21].

Международная ситуация радикально поменялась — фактически после 1945 г. и создания Организации Объединенных Наций появился

³ Как пишет, используя несколько иную риторику, Дж. Перкинс: «Мы представляем собой элитную группу мужчин и женщин, использующих всемирные финансовые организации для создания таких условий, при которых другие народы вынуждены подчиниться корпоратократии, управляющей нашими крупнейшими компаниями, нашим правительством и банками... одолжения принимают форму займов для развития инфраструктуры...»

Несмотря на то, что деньги практически немедленно возвращаются в корпорации..., страна, получающая заем, обязана выплатить его назад с процентами. Если ЭУ [экономический убийца] превосходно справился со своим заданием, займы будут настолько велики, что должник уже через несколько лет будет не способен выплачивать долг и окажется в ситуации дефолта. И вот тогда... мы требуем себе шейлоковского «фунта живой плоти». Таковой часто состоит из одной или нескольких позиций: страна должна голосовать по нашей указке в ООН, позволить разместить наши военные базы и допустить к драгоценным природным ресурсам, например, к нефти или к Панамскому каналу. Конечно, при этом должник по-прежнему остается должником — и вот еще одна страна вошла в нашу глобальную империю» [14, с. 23–24]. Также см. [15].

негласный запрет на территориальные захваты. Это, с одной стороны, изменило характер политико-экономических конфликтов, сделав невозможной оккупацию (и ликвидацию) побежденных государств, с другой — международные спонсоры сецессии не несут обязанностей по обеспечению новой территории и населения общественными благами. Поэтому риски сецессии, возникающие для государства — импортера институтов, не связаны (и не включаются в расчет) с издержками для страны-экспортера. Напротив, в условиях мировой конкуренции за привлечение инвестиций транснациональные корпорации могут заниматься шопингом политических режимов, выбирая наиболее выгодные условия для освоения предлагаемых им ресурсов [17].

С точки зрения традиционного экономического анализа, международная торговля при отсутствии квот и тарифов, а также в условиях конвертируемости валют не очень отличается от торговли между регионами. Относительно бедная страна становится периферией (полупериферией) богатых государств. Сохраняется ли при этом государственный суверенитет, или периферийная территория становится частью государства-победителя, в этом случае оказывается неважным.

Но в свете теории общественного выбора такой сюжет выглядит неоднозначно. Как показывают в своей работе Н. Силаев и И. Болгова, прежняя европейская модель жесткого отбора государств, в отношении которых была справедлива максима Чарльза Тилли «война создала государства, а государства создали войну», исходила из того, что «...европейские государства, которые не могли соответствовать возрастающим требованиям военной мощи и административной эффективности, прекращали свое существование, становясь добычей более сильных соседей. Афоризм о войнах, которые создают государства, подразумевает, что войны же их и уничтожают. После 1945 г. естественный отбор перестал работать. Роберт Джексон описал эту проблему через понятие негативного суверенитета. По аналогии с негативной свободой Исаяи Берлина, негативный суверенитет предполагает свободу от внешнего вмешательства. Государство приобретает таковой в силу признания в качестве равноправного независимого члена международного сообщества. Позитивный суверенитет, в свою очередь, касается не формальных, а содержательных сторон государственности и заключается в способности государств предоставлять политические блага своим гражданам. Государства, обладающие негативным, но не позитивным суверенитетом, Джексон обозначил как квазигосударства: признанные члены международного сообщества, неспособные выполнять ключевые государственные функции на своей собственной территории» [18, с. 137–138].

Другими словами, государства с негативным суверенитетом, несмотря на наличие Конституции, не могут собрать налоги и обеспечить «вертикальный обмен» налогов на производимые общественные блага. Как правило, качество и объем этих благ также оказываются недостаточными для удовлетворения общественных потребностей. В такой ситуации сецессионистские настроения усиливаются, и на карте мира появляются все новые квазигосударства.

По-видимому, существенная часть современных государственных образований обладает таким негативным суверенитетом и представляет собой своеобразную «территорию охоты» для других международных акторов. В качестве последних выступают как сравнительно богатые страны, так и транснациональные корпорации. Экспорт демократии заодно с коррумпированием местных элит представляется во много раз более рентабельной операцией по сравнению с прямыми военными действиями.

Заключительные замечания

Из предыдущего изложения некоторые читатели могут сделать ошибочный вывод, что автор занимает отрицательную позицию не только в отношении «импорта демократии» периферийными и полупериферийными странами, но и по отношению к политическому режиму демократии в целом. Это не так. Как убедительно показывает У.А. Нисканен в своей небольшой книжке, при прочих равных условиях демократическое устройство требует большего объема налогов и производит больше общественных благ, чем автократии [19]. Но это, с другой стороны, как раз и означает, что такую политическую систему *намного дороже и труднее коррумпировать* и поставить под «внешнее управление» с последующим переходом к негативному суверенитету. Напротив, для того, чтобы коррумпировать автократию, требуются относительно небольшие «иностранные инвестиции». В этом мы согласны с основной идеей работы Е.А. Лукьяновой [13]. Поэтому задача перехода от автократического режима к либеральной демократии действительно является важнейшей политико-экономической задачей для истеблишмента полупериферийных и периферийных стран. О связи демократии, прав граждан с защитой прав собственности и созданием условий для экономического роста уже столько раз говорилось разными экономистами, что этот тезис стал банальностью.

Нерешенная проблема, очевидно, заключается в успешном транзите от автократии к демократии (от олигархии — к полиархии по Р. Далю [20]). Опасность так называемых демократических революций заключается в большой вероятности сецессии и возникновении на месте прежней автократии нескольких квазигосударств с негативным суверенитетом. В свете этого отечественная неуклюжая формула строительства «суверенной демократии» уже не кажется тавтологией: это *обозначение перехода к демократии без потери позитивного суверенитета*, а заодно — без сокращения услуг здравоохранения, образования, объемов социальной защиты, с сохранением и повышением эффективности деятельности органов правопорядка.

Глядя на опыт СССР второй половины 1980-х гг. и России 1990-х гг., нельзя сказать, что отечественные интеллектуалы смогли успешно справиться с возникшими политико-экономическими задачами. Простые формулы «трансплантации институтов» и/или «переноса лучших мировых практик», к сожалению, здесь мало помогают.

Список литературы

1. *Krugman P.R.* Center and Periphery // *Geography and Trade*. Cambridge: The MIT Press, 1991. P. 483–499.
2. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*. 1999. № 2. Т. 32. С. 3–20.
3. *Каганский В.Л.* Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта // *Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования*. М.: Смоленск, 1998. С. 72–101.
4. *Бьюкенен Дж., Таллок У.* Расчет согласия // *Бьюкенен Дж. Сочинения*. М.: Таурус Альфа, 1997. С. 31–206.
5. *Хайек Ф.А.* Либерализм // *Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок*. Челябинск: Социум, 2011. С. 327–362.
6. *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
7. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
8. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2012. 693 с.
9. *Истерли У.* Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М.: Институт Гайдара, 2016. 496 с.
10. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Логос: Наука, 1998. 448 с.
11. *Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН: Социум, 2016. 367 с.
12. *Кревельд М. ван.* Трансформация войны. М.: ИРИСЭН: Социум, 2015. 320 с.
13. *Лукьянова Е.А.* Политические режимы, коррупция и конституционализм // *Вопросы теоретической экономики*. 2020. № 1. С. 92–105.
14. *Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. М.: Pretext, 2005. 319 с.
15. *Игры экономических убийц: сборник / под ред С. Хайята.* М.: Претекст, 2007. 592 с.
16. *Наим М.* Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня надо иначе. М.: АСТ, 2016. 512 с.
17. *Крауч К.* Постдемократия. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 192 с.
18. *Силаев Н.Ю., Болгова И.В.* Напрасные войны: работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? // *Сравнительная политика*. 2019. № 4. С. 133–154.
19. *Нисканен У.А.* Авторитарная, демократическая и оптимальная формы правления: фискальные решения и экономические результаты. М.: Институт Гайдара, 2013. 176 с.
20. *Даль Р.* Полиархия и оппозиция. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 288 с.

EXPORT OF INSTITUTIONS AND PROBLEM OF SECESSION

The transition of many states at the end of the twentieth century to democratic forms of government was called to increase the efficiency and transparency of the activities of representative bodies of power. Along with the implementation of the principle of subsidiarity in relation between Centre, regions and municipalities, this was to strengthen the state system. However, for many post-Soviet and developing countries, the import of Western democratic institutions was accompanied (and is accompanied) by the destruction of territorial integrity and the growth of corruption. This undermines the confidence of citizens in liberal democracy and causes nostalgia for a «strong hand». The work is devoted to the analysis of the problems associated with the export of democracy to the countries with middle and low income per

capita. Economic theory due to the implicit assumption of homogeneity of the socio-economic space as usual. In connection this, the problem of secession is ignored, becomes relevant for the country-importer of Western democratic institutions. The export of institutions is an effective and rentable substitute for military-political operations for exporting countries. A paradoxical addition to these exports is the corruption of local elites, which contributes to allied relations with West or the transition of the political and economic establishment to the «external management» regime. An essential feature of modernity is the prohibition of territorial seizures, which contributes to an increase in the number of states. However, a significant part of them has only negative sovereignty, being unable to provide its citizens with the necessary amount of public goods.

Keywords: export of institutions, heterogeneity, negative sovereignty, public sector, region, secession, theory of war

JEL: B52, F02, F52, P40

Дата поступления — 31.03.2020 г.

ОРЕХОВСКИЙ Петр Александрович

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий сектором философии и методологии экономической науки; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики РАН / 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; главный научный сотрудник;

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» / 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49.

e-mail: orekhovskypa@mail.ru

OREKHOVSKY Petr A.

Dr. Sc. (Econ.), Professor; Head of Sector of Philosophy and Methodology of Economy science;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218;

Chief Researcher;

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation» / 49, Leningradsky Av., Moscow, 125993.

e-mail: orekhovskypa@mail.ru

Для цитирования:

Ореховский П. Экспорт институтов и проблема сепарации // Федерализм. 2020. № 2. С. 39–50.